

Циклофренія (cyclophrenia).

О. Е. Рыбакова.

Профессора Московскаго Университета.

Давно уже извѣстно свойство нѣкоторыхъ людей подвергаться періодическимъ смѣнамъ настроенія. У психически здоровыхъ лицъ это свойство выражено слабо и обнаруживается лишь въ незначительномъ пониженіи самочувствія, повышенной раздражительности и недовольствѣ собою и окружающимъ. Приступы такого пониженнаго самочувствія, по большей части, проходятъ почти незамѣтными или же объясняются тѣми или иными вѣшними моментами: недовольствомъ своимъ положеніемъ, матеріальными невзгодами, семейными неурядицами и пр. Продолжаются эти приступы обыкновенно короткое время. Порою они смѣняются даже періодами болѣе хорошаго самочувствія (Roemheld). Такого рода колебанія въ настроеніи стоятъ какъ бы въ предѣлахъ извѣстной фізіологической нормы и зачастую бываютъ у людей, не носящихъ въ себѣ никакихъ признаковъ фізическаго или психическаго вырожденія, сравнительно уравновѣшенныхъ, не представляющихъ никакихъ признаковъ неврастенія, истеріи или иного какого-либо проявленія невропатической или психопатической конституціи. Повидимому, періодическія колебанія настроенія, въ извѣстныхъ фізіологическихъ границахъ, свойственны, вообще, всѣмъ людямъ: они являются выраженіемъ общаго психологическаго закона, черпающаго свою силу, можетъ быть, въ проявленіяхъ общаго мірового ритма. Нѣтъ ни одного мірового явленія, которое не подвергалось бы извѣстнымъ ритмическимъ колебаніямъ въ своей силѣ и интенсивности: законы движенія небесныхъ свѣтилъ подвержены извѣстнымъ правильнымъ періодамъ, явленія земного электричества и

магнетизма обнаруживаются наиболѣе сильно лишь въ извѣстные періоды времени (магнитныя бури), всѣ проявленія животной и растительной жизни совершаются вполне ритмически, обнаруживая наивысшую степень своего выраженія черезъ извѣстные промежутки времени (такъ, напримѣръ, размноженіе животныхъ видовъ связано съ извѣстнымъ временемъ года, многія физиологическія отправленія организма,—питаніе, сонъ,—совершаются періодически и пр.). Словомъ, во всѣхъ проявленіяхъ физической энергіи, какъ бы она ни обнаруживалась, замѣчается тенденція къ извѣстнымъ ритмическимъ колебаніямъ, стоящимъ въ связи съ какими-то неизвѣстными намъ міровыми условіями. Если физическая энергія, воплощающаяся въ животномъ мірѣ, подвержена извѣстнымъ колебаніямъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что такимъ же колебаніямъ подвержена и энергія психическая, являющаяся, можетъ быть, лишь высшею формою проявленія той же физической энергіи. Въ легкихъ колебаніяхъ настроенія и заложенной въ человѣкѣ нервной энергіи нѣтъ ничего патологическаго, нѣтъ никакихъ указаній на болѣзненное уклоненіе отъ здороваго, нормальнаго типа. Эти колебанія должны быть, пока существуетъ жизнь, пока человѣкъ является носителемъ заключенной въ немъ міровой энергіи. Міровая энергія, въ чемъ бы ни состояла ея сущность, постоянно мѣняетъ свою форму и, переходя отъ одного явленія къ другому, тѣмъ самымъ уже подвергается извѣстнымъ колебаніямъ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. И было бы странно, если бы этотъ законъ мірового ритма не коснулся также и человѣка, какъ одного изъ носителей міровой энергіи. Другое дѣло, конечно, чѣмъ обуславливаются эти колебанія психической энергіи въ человѣкѣ и каково ихъ происхожденіе. Возможно, конечно, предположить, что эти колебанія являются отраженіемъ лишь далекаго прошлаго, когда всѣ жизненные процессы животнаго организма сводились къ періодическому отправленію извѣстныхъ животныхъ функций (атавизмъ), но возможно также допустить, что они обуславливаются какими-то неясными и смутными колебаніями въ процессахъ органической жизни (пищевареніе, питаніе, половой инстинктъ и пр.). Какъ бы тамъ ни было, остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что у вполне здоровыхъ людей, порою, можно бываетъ подмѣтить небольшія колебанія въ психическомъ состояніи, выражающіяся въ повышеніи или пониженіи само-

чувствія, въ приливѣ или отливѣ жизненной энергіи, усиленіи или уменьшеніи работоспособности и проч.

Эти колебанія, однако, очень нестойки, легко устраняются благоприятными внѣшними моментами и *отнюдь не нарушаютъ цѣльности личности и общаго психическаго равновѣсія субъекта*. Стоитъ только субъекту, находящемуся въ мрачномъ состояніи духа, чѣмъ-либо заняться, отвлечь свое вниманіе или получить какое-либо пріятное извѣстіе, какъ его дурного самочувствія какъ не бывало. То-же касается и повышеннаго настроенія: оно никогда не переходитъ извѣстныхъ границъ, требуемыхъ общежитіемъ, не нарушаетъ правильности теченія мыслей и общей цѣльности личности и также легко исчезаетъ подъ вліяніемъ сдерживающихъ внѣшнихъ моментовъ. Это еще не есть то, что нѣкоторыми авторами принято называть „циклотиміей“. „Циклотимія“ есть уже симптомъ болѣе патологическаго свойства и о немъ рѣчь впереди. Описываемое мною явленіе я назвалъ бы *психической ритміей* (*rythmia psychica*), такъ какъ оно является лишь частнымъ выраженіемъ общаго мірового ритма. Отнюдь нельзя думать, что эта психическая ритмія, охватываетъ собою только область душевнаго чувства. Совмѣстно съ колебаніями настроенія, почти всегда можно подмѣтить у индивидуума и соотвѣтствующія колебанія въ интенсивности другихъ сторонъ его душевной жизни: большую или меньшую степень энергіи, предприимчивости, большую или меньшую степень работоспособности, наконецъ, большую или меньшую степень свободы логическаго мышленія. Такъ часто встрѣчающіяся у русскихъ людей колебанія въ степени работоспособности, ихъ склонность къ полному бездѣйствію, смѣняющемуся порой невѣроятной энергіей, съ избыткомъ вознаграждающей упущенное время,—я склоненъ также относить на счетъ особеннаго „національнаго“ свойства русской души, на счетъ ея, такъ сказать, „національнаго“ ритма.

Психическая ритмія, существуя у большинства психически здоровыхъ людей, у лицъ съ невропатической и психопатической конституціей, у дегенерантовъ, а также у страдающихъ различными органическими пораженіями мозга, можетъ иногда служить основой для развитія періодически повторяющихся приступовъ настоящаго психическаго расстройства. У этихъ лицъ, благодаря ихъ своеобразной неустойчивой психической организаціи, проявленія ритмиче-

ских колебаній иногда принимаютъ очень бурную форму, доходящую до степени рѣзко выраженнаго аффективнаго состоянія съ галлюцинаціями, бредовыми идеями, спутанностью сознанія и пр. Такого рода приступы иной разъ тянутся очепъ короткое время, другой же разъ они продолжаются нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Между рѣзкими колебаніями въ настроеніи у лицъ психопатическихъ и взрывами приступовъ психическаго растройства (какъ это бываетъ при такъ назыв. „періодическихъ психозахъ“ или, по Крепелину, при маниакально-депрессивномъ психозѣ) я не вижу существенной разницы: и тамъ и здѣсь идетъ дѣло объ особенномъ проявленіи психической ритми, принимающей, благодаря своеобразности психопатической конституціи, лишь своеобразную внѣшнюю форму съ особеннымъ болѣе или менѣе длительнымъ теченіемъ. Вотъ это-то свойство нѣкоторыхъ невропатическихъ и психопатическихъ натуръ давать время отъ времени патологическія колебанія психическаго ритма, доходящаго до степени настоящаго психическаго растройства, я называю *циклофреніей* (*cyclophrenia*). „Циклофренія“ есть, слѣдовательно, своеобразная форма психической организаціи, выражающаяся въ тенденціи давать, по временамъ, приступы острыхъ психопатическихъ состояній въ той или иной формѣ. Самая форма этихъ приступовъ, а также ихъ продолжительность и частота въ разныхъ случаяхъ бываютъ различны, въ зависимости, отчасти, отъ индивидуальныхъ, отчасти, отъ наслѣдственныхъ условій даннаго лица. Вообще, внѣшняя форма приступовъ не имѣетъ особеннаго значенія уже потому, что какъ извѣстно, одни и тѣ же психопатическія состоянія — маниакальныя, меланхолическія, паранойяльныя и пр. — могутъ встрѣчаться при самыхъ разнообразныхъ душевныхъ заболѣваніяхъ (напримѣръ, при dementia praecox, при прогрессивномъ параличѣ, слабоуміи, и проч.). Въ группу „циклофреній“ входятъ, слѣдовательно, тѣ формы душевныхъ растройствъ, которыя разными авторами (Крафтъ-Эбингъ, Корсаковъ, Чижевскій и др.) описывались и описываются подъ именемъ такъ называемыхъ *періодическихъ психозовъ*. Но „циклофренія“ и „періодическій психозъ“ не одно и то же. Первое понятіе гораздо шире второго, и второе входитъ въ первое какъ часть его, какъ извѣстная болѣзненная группа, являющаяся лишь одною изъ разновидностей циклофреніи. Циклофренія можетъ проявляться самымъ различ-

нымъ образомъ,—или въ видѣ періодической смѣны настроенія (cyclothymia), или въ видѣ стереотипно повторяющихся взрывовъ рѣзко выраженного психическаго расстройства (періодическій психозъ), или въ смѣнѣ меланхолическаго и маниакальнаго состоянія (циркулярный психозъ), или въ періодически повторяющейся наклонности къ употребленію спиртныхъ напитковъ (dipsomania), въ стремленіи къ бродяжничеству (dromomania) и проч.,—но во всѣхъ этихъ, съ внѣшней стороны, разнообразныхъ формахъ можно подмѣтить двѣ основныя черты, которыя и даютъ мнѣ право соединить всѣ эти формы въ одну нозологическую группу,—это: 1) своеобразную психопатическую конституцію, являющуюся общей основой для всѣхъ этихъ заболѣваній и 2) своеобразную особенность каждаго изъ отдѣльныхъ приступовъ. Характерною особенностью „циклофренической“ конституціи, помимо другихъ ея чертъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, является, какъ уже сказано, стремленіе ея давать взрывы или приступы болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ психопатическихъ состояній. Характерною же особенностью каждаго приступа является его *эмоціональная окраска*. Какъ бы ни обнаруживался съ внѣшней стороны приступъ, всегда въ немъ можно отмѣтить одну характерную для него черту—большую или меньшую степень расстройства душевнаго чувства, въ сторону депрессивности или экспансивности. Правда, въ однихъ случаяхъ эмоціональный элементъ выраженъ нерѣзко и почти всецѣло заслоняется соотвѣтствующими галлюцинаціями, бредовыми идеями или спутанностью сознанія, въ другихъ же—онъ выступаетъ на первый планъ въ видѣ пониженного или повышеннаго настроенія. Обстоятельство это уже давно подмѣчено нѣкоторыми авторами (напр. Крепелиномъ) и даже дало имъ основаніе соединить всѣ эти виды въ одну общую группу подъ названіемъ „маниакально-депрессивнаго психоза“. Терминъ „маниакально-депрессивный психозъ“ неудаченъ уже потому, что, во-первыхъ, онъ нисколько не отгѣняетъ основной сущности болѣзни—ея психопатической конституціи и тенденціи къ періодически повторяющимся взрывамъ острыхъ психопатическихъ состояній, а во-вторыхъ, въ значительной мѣрѣ суживаетъ понятіе о внѣшнемъ проявленіи отдѣльныхъ приступовъ. Такимъ образомъ, характерными признаками циклофрениі являются: 1) своеобразная психопатическая конституція врожденная или приобрѣтенная, обнаруживаю-

щаяся въ тенденціи давать, по временамъ, взрывы острыхъ психопатическихъ состояній, 2) самые приступы (взрывы) психопатическихъ состояній, проявляющіеся въ болѣе или менѣе бурной степени и 3) эмоціональная окраска этихъ состояній. Смотря по тому, обусловливается-ли циклофрениа просто врожденнымъ предрасположеніемъ, или стоитъ въ связи съ другими функціональными или органическими пораженіями центральной нервной системы,—можно различать двѣ формы: *идіопатическую* и *симптоматическую*. Здѣсь будетъ идти рѣчь только объ идиопатической циклофрении.

Идиопатическая циклофрениа развивается на почвѣ врожденной психопатической конституціи и не сопровождается никакими видимыми измѣненіями въ мозговой корѣ. Это есть, слѣдовательно, болѣзнь прирожденная и притомъ „функціональная“, т.-е. обусловленная какими-то неизвѣстными намъ функціональными расстройствами въ дѣятельности высшаго органа центральной нервной системы. Симптомы ея слагаются изъ двухъ основныхъ группъ: 1) симптомы общіе, составляющіе сущность циклофренической конституціи, и 2) симптомы во время отдѣльныхъ приступовъ или вспышекъ бурныхъ психопатическихъ состояній. Какъ самая циклофреническая конституція, такъ и отдѣльные приступы психопатическихъ состояній составляютъ одно неразрывное цѣлое, связанное одною общею цѣпью,—тѣмъ прирожденнымъ предрасположеніемъ, или, вѣрнѣе, своеобразнымъ устройствомъ центральной нервной системы, на почвѣ котораго возникаетъ болѣзнь. Отдѣльные приступы острыхъ психопатическихъ состояній являются лишь какъ бы эпизодическими вспышками или обостреніями основныхъ симптомовъ болѣзни. Поэтому было бы совершенно неправильно полагать, что въ промежуткахъ между приступами субъектъ является вполне здоровымъ: онъ является здоровымъ лишь *относительно*, т.-е. постольку, поскольку цѣльность его личности является на пострадавшей подъ вліяніемъ такихъ обостреній, и постольку онъ, вообще, считается здоровымъ въ общежитіи. Какъ до начала перваго приступа, такъ и въ промежуткахъ между ними онъ зачастую обнаруживаетъ тѣ или иные черты, указывающія на психопатическій складъ его личности, но черты эти не таковы, чтобы считать его душевно-больнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Иной разъ въ характерѣ его и во всемъ складѣ его личности можно подмѣтить нѣкоторыя психопатическія особенности,

но эти особенности составляют его приращенное свойство, онѣ проходятъ красною нитью черезъ всю жизнь больного и считаются нерѣдко выраженіемъ своеобразнаго, оригинальнаго склада его характера. Особенности эти сами по себѣ являются лишь выраженіемъ психической дегенерации субъекта и зачастую не носятъ ничего характернаго для описываемой болѣзни. Среди этихъ особенностей мнѣ удалось, однако, на цѣломъ рядѣ больныхъ Московской Психіатрической клиники подмѣтить такія черты, которыя до известной степени являются характерными для „циклофренической конституціи“, но, повторяю, эти черты, по большей части, тѣсно сплетаются съ другими общими признаками психическаго вырожденія. Такимъ образомъ, базой для развитія циклофрениі является своеобразная приращенная психопатическая конституція, которая и составляетъ основное ядро для отдѣльныхъ вспышекъ болѣе или менѣе бурно выраженныхъ психопатическихъ состояній. Но въ склонности этихъ вспышекъ къ возвратамъ лежитъ нѣчто роковое, что составляетъ самую характерную черту описываемой болѣзни. Какъ известно, есть много людей, носящихъ въ себѣ психическіе признаки вырожденія въ той или иной формѣ, но далеко не у всѣхъ у нихъ можно наблюдать вспышки острыхъ психическихъ расстройствъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: очевидно, для развитія этихъ расстройствъ нужно еще нѣчто другое,—это нѣчто другое и составляетъ сущность особой „циклофренической“ конституціи.

Итакъ, циклофрениі слагается изъ двухъ основныхъ чертъ: своеобразной конституціи и вспышекъ острыхъ психопатическихъ состояній. Я намѣренно говорю „вспышекъ“, потому что нельзя иначе отѣнить тѣсную связь между этими двумя чертами, какъ только этимъ словомъ.

Общіе симптомы (циклофреническая конституція).

На цѣломъ рядѣ больныхъ Московской Психіатрической клиники, страдавшихъ такъ называемыми „періодическими“ и „циркулярными“ психозами (220 чел.), мнѣ удалось подмѣтить признаки, которые составляютъ основу циклофренической конституціи. Большинство этихъ признаковъ являются выраженіемъ общаго психическаго вырожденія субъекта и въ равной мѣрѣ встрѣчается при другихъ конституціо-

нальных заболѣваніяхъ, но есть и такіе, которые при циклофреніи („периодическихъ психозахъ“) встрѣчаются чаще всего. Ихъ, до известной степени, можно считать характерными для этой болѣзни.

Какъ уже сказано было выше, основнымъ признакомъ отдѣльныхъ вспышекъ при циклофреніи является ихъ эмоциональная окраска. Та же самая черта остается присущей и, вообще, для всего склада личности циклофреника. Аномалии въ области душевнаго чувства,—какъ бы они ни проявлялись,—составляютъ характерную особенность циклофрениковъ. Больные этого рода очень часто съ самаго рожденія обнаруживаютъ нѣсколько *повышенную возбудимость душевнаго чувства* (hyperaesthesia psychica). Они являются необыкновенно чувствительными какъ къ радости, такъ и горю: легко восторгаются по самому ничтожному поводу и также легко приходятъ въ гнѣвъ, печаль и горе при паличности, сравнительно, незначительныхъ причинъ. Они очень впечатлительны, вспыльчивы, пугливы, обидчивы и, вообще, быстро реагируютъ на всякіе внѣшніе факторы. Иной разъ дѣло доходитъ даже до взрывовъ сильныхъ эффектовъ. Многіе изъ такихъ больныхъ обнаруживаютъ съ дѣтства необыкновенную *сентиментальность и чувствительность*: являются очень жалостливыми по отношенію къ бѣднымъ, больнымъ и страдающимъ людямъ, не выносятъ вида чужихъ страданій, а иногда обнаруживаютъ необыкновенную любовь и состраданіе къ животнымъ: собакамъ, птицамъ, кошкамъ и т. п. Многіе больные обнаруживаютъ повышенную возбудимость отдѣльныхъ чувствъ той или иной категоріи. Такъ, среди больныхъ Московской Психіатрической клиники мнѣ попалось чрезвычайно много такихъ, у которыхъ съ дѣтства можно было отмѣтить необыкновенную *религіозность* или *большую чувствительность въ области нравственнаго чувства*. Насколько часто среди дегенерантовъ другой категоріи мы встрѣчаемъ лицъ съ извращеніемъ или отсутствіемъ нравственнаго чувства (insanitas moralis), настолько часто среди циклофрениковъ встрѣчаются лица съ повышенными до щепетильности требованіями нравственнаго долга: они сильно тревожатся и мучаются, когда сдѣлаютъ что-либо, по ихъ мнѣнію, несоотвѣтствующее чувству нравственнаго долга, легко возмущаются безнравственными поступками окружающихъ и, вообще, являются крайне щепетильными въ исполненіи условій, предъявляемыхъ долгомъ нравственности. Нѣ-

которые изъ нихъ своею щепетильностью и придирчивостью въ этомъ отношеніи становятся даже надоедливыми для окружающихъ. Въ этомъ отношеніи они иногда даже производятъ на окружающихъ впечатлѣніе настоящихъ „психопатовъ“. Такое же впечатлѣніе производитъ иногда и необыкновенная религіозность этихъ лицъ, доходящая порою до степени ханжества. Такіе больные часто посѣщаютъ церковь, слѣдятъ за всѣми службами и сильно возмущаются религіознымъ индифферентизмомъ другихъ лицъ. У нѣкоторыхъ больныхъ подобнаго рода, иной разъ, удается подмѣтить и повышенную возбудимость со стороны низшихъ чувствъ, особенно полового. Часто удается также встрѣтить среди циклофрениковъ мастурбантовъ и лицъ съ пониженными или извращенными половыми влеченіями.

Очень часто у циклофрениковъ наблюдаются *разстройства настроенія и самочувствія*. Эти разстройства являются какъ бы зародышевыми элементами, изъ которыхъ по временамъ вырастаютъ настоящіе цвѣты—бурные взрывы психопатическихъ состояній. Неустойчивость настроенія—обычная картина, наблюдаемая у циклофрениковъ. Приливы дурного самочувствія составляютъ очень частое явленіе у лицъ, страдающихъ циклофреніей, но эти приливы не выходятъ изъ рамокъ обычной фізіологической нормы и бывають выражены столь нерѣзко и продолжаются столь короткое время, что проходятъ совершенно незамѣтными для окружающихъ. Ихъ, конечно, можно было бы считать слабыми, „абортивными“ признаками циклофреническаго приступа, но въ виду ихъ незначительной интенсивности, а также въ виду существованія такихъ же колебаній настроенія у другихъ дегенерантовъ, а нерѣдко и у вполне здоровыхъ людей, это было бы едва ли правильно. Можно говорить только о повышенной склонности циклофрениковъ къ смѣнамъ настроенія (печальнаго и радостнаго), но это еще не даетъ намъ права считать эти смѣны за выраженіе отдѣльных приступовъ, хотя, конечно, при болѣе широкомъ толкованіи сущности болѣзни, ихъ можно считать и таковыми. Между „нормальнымъ“ и „психопатическимъ“ состояніемъ существуютъ самыя незамѣтные переходы, и потому дѣло нисколько не мѣняется отъ того, какъ мы будемъ смотрѣть на эти смѣны настроенія. Фактъ, однако, остается тотъ, что у циклофрениковъ это явленіе встрѣчается часто. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію и то, что иной разъ эти приливы дурного или ра-

достнаго самочувствія у циклофрениковъ достигаютъ болѣе высокой степени, продолжаются болѣе долгое время, и тогда ихъ, конечно, нужно считать „абортивными“ приступами психопатическаго состоянія, хотя бы они и оставались незамѣченными ни для самого больного, ни для окружающихъ. Я думаю, что такіе „абортивные“ приступы въ дѣйствительности встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ мы можемъ констатировать ихъ при собираніи свѣдѣній о прошлой жизни больного.

Наклонность къ аффектамъ также составляетъ довольно частое явленіе у циклофрениковъ. Одни больные чрезвычайно легко впадаютъ въ тоскливое состояніе, другіе испытываютъ аффектъ страха и ужаса подъ вліяніемъ самыхъ ничтожныхъ причинъ. Нѣкоторые лица чувствуютъ необъяснимое отвращеніе къ какимъ-нибудь животнымъ: мышамъ, паукамъ, тараканамъ и проч.; одинъ видъ этихъ животныхъ зачастую приводитъ ихъ въ необъяснимый трепетъ и заставляетъ испытывать состояніе самаго ужаснаго страха. Многіе изъ относящихся къ этой категоріи больныхъ страдаютъ также разнаго рода навязчивыми страхами: одни боятся оставаться въ пустой комнатѣ, другіе испытываютъ ужасъ во время грозы, третьи пугаются темноты и т. п. Нѣкоторые циклофреники, вообще, обладаютъ большою раздражительностью, сопровождающеюся приступами сильнаго гнѣва. Но, въ общемъ, большинство больныхъ этого рода, при всей неустойчивости ихъ эмоциональной сферы, рѣдко даютъ волю необузданному двигательному проявленію своихъ чувствъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ они ограничиваются или молчаливымъ перенесеніемъ своихъ страданій, или сдержаннымъ выраженіемъ волнующихъ ихъ чувствъ. Есть среди нихъ даже и такіе, которые, съ внѣшней стороны, поражаютъ своею невозмутимостью и кажушимся болѣзненнымъ равнодушіемъ. Этимъ циклофреники, до извѣстной степени, отличаются отъ другихъ дегенерантовъ, которые иногда по ничтожному поводу склонны впадать въ состояніе жестокаго аффекта, сопровождающагося самымъ необузданнымъ насиліемъ. Сама природа какъ бы охраняетъ этихъ людей отъ излишней траты энергіи и бережетъ ее на случай острыхъ вспышекъ патологическихъ состояній, столь свойственныхъ циклофрениі.

Уклоненія со стороны другихъ сторонъ душевной жизни менѣе характерны для циклофрениковъ.